

На правах рукописи

АКИМОВА Татьяна Петровна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА
(на материале писем классиков
русской литературы XIX–XX вв.)**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный консультант – *Супрун Василий Иванович*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Ковалева Наталья Анатольевна*, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»), профессор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности);

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор (ГОУ ВО Московской области Московский государственный областной университет, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания);

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»), заведующий кафедрой русского языка).

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет».

Защита состоится 18 мая 2017 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 10 марта 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние десятилетия интерес ученых-языковедов направлен на изучение культуры с позиций лингвистики, а именно на описание того, каким образом языковые знаки отображают культурные ценности и фиксируют их в текстах различных типов. Многочисленные исследования в данном русле породили новое направление в языкознании – лингвокультурологию (Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Брысина, А. Вежицка, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Дж. Лакофф, В.А. Маслова, Э. Сепир, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Ф.Ф. Фархутдинова, Ч.Д. Филмор, А.Т. Хроленко и др.).

Рассмотрение языковых явлений сквозь призму культуры представляет собой одну из актуальнейших тенденций современной лингвистики. Культурное и духовное своеобразие нации находит свое отражение как в особенностях языковой системы (прежде всего, в содержании лексических единиц), так и в специфике функционирования элементов этой системы в речи и тексте. Традиционно материалом для исследования в русле лингвокультурологии становятся произведения художественной и документальной литературы, имеющие статус общенационального культурного достояния. К таким текстам, без сомнения, можно отнести эпистолярное наследие русских писателей-классиков.

Подавляющее большинство работ в данной сфере посвящено описанию элементов статичной языковой картины мира посредством характеристики языковых единиц, зафиксированных в словарях (толковых, фразеологических и т. п.), фольклорных текстах различной жанровой принадлежности или в художественных текстах одного или нескольких авторов, принадлежащих одной исторической эпохе. Обращение к лингвокультурному анализу разноуровневых языковых единиц, включенных в русские эпистолярные тексты XIX–XX вв., позволяет выявить динамические изменения в передаче посредством языка ценностных для отечественной культуры смыслов.

Кроме того, методология лингвистической культурологии в настоящее время находится в стадии становления, что позволяет разрабатывать собственную систему методов, методик и приемов для адекватного описания связей между языковыми единицами, организующими эпистолярный текст, и содержащимися в них культурными константами. Осмысление лингвокультурных констант русского эпистолярного текста способствует определению важных параметров национальной картины мира, поскольку в письмах находят отражение представления о содержательных ценностных характеристиках окружающего мира, воспринятых авторитетной языковой личностью, каковой является русский писатель-классик.

Частное письмо – тип эпистолярного текста, включающий в себя семейные, частные деловые письма, дружескую и любовную переписку. Такие письма обычно не предназначены для публикации, и тем не менее эпистолярное наследие известных деятелей искусства и культуры довольно часто издается как в составе собраний сочинений, так и отдельными книгами. Их авторы являются, по мнению лингвистов, носителями элитарного типа речевой культуры, т. е. «обладают истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений»¹. Предполагаем, что такие письма можно рассматривать как образцовые не только по структуре и языковому оформлению, но и по отражению в них этнолингвокультурных парадигм.

Эпистолярное наследие русских писателей-классиков является весьма популярным материалом для лингвистического анализа. В большинстве случаев в качестве материала исследования избираются письма, относящиеся к XIX в., реже – к XVII, XVIII или XX вв.; при этом ученые предпочитают работать с письмами одного или нескольких авторов, созданными в один и тот же период времени. Лингвисты также неоднократно обращались к изучению отдельных языковых и речевых единиц, представленных в эпистолярном наследии русских писателей-классиков.

Письма в лингвистических работах изучаются в лингвостилистическом, семантико-стилистическом, историко-лингвистическом, социолингвистическом, коммуникативно-прагматическом, когнитивном, когнитивно-прагматическом, лингвокультурном аспектах. Исследованы различные типы писем: деловые, частные неофициальные, в том числе дружеские письма и частные записки. Письма также рассматриваются как средство характеристики авторитетной языковой личности – в целом и по персоналиям. Кроме того, активно изучается использование прецедентных текстов в эпистолярном наследии людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры.

Полагаем, что большое количество лингвистических работ, посвященных изучению эпистолярия, позволяет выделить их в отдельную отрасль – *лингвистическое эпистоловедение*. Однако комплексного лингвокультурологического исследования эпистолярных текстов, относящихся к различным временным периодам, до настоящего времени не проводилось. Все вышесказанное обуславливает **актуальность** данного **исследования**.

Для выявления лингвокультурной специфики русского эпистолярного текста необходимо применить к его исследованию комплексный (интегративный) подход. Поскольку изучение эпистолярного текста в русле лингвокультурологии представляет собой одну из реализаций антропоцентриче-

---

¹ Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. С. 228.

ской парадигмы в языкознании, полагаем, что выделение в русских письмах единиц для лингвокультурного анализа возможно с опорой на структуру языковой личности, описанную Ю.Н. Карауловым.

Ученый выделяет следующие уровни языковой личности: 1) нулевой, *семантический*, включающий стандартную, устойчивую часть вербально-семантических ассоциаций; 2) первый, *лингвокогнитивный*, который представляет базовую, инвариантную часть картины мира; 3) второй, *мотивационный*, на котором с помощью лингвистических методик анализируются порождаемые целями и мотивами личности устойчивые коммуникативные потребности и черты, способные удовлетворять эти потребности, типологизирующие специфику речевого поведения и, следовательно, информирующие о внутренних установках, целях и мотивах личности.

При этом автор отмечает, что инвариантная (вневременная) часть «носит отчетливую печать национального колорита», а «временные, изменчивые феномены на каждом уровне тоже градуируются по степени общности в зависимости от того, распространяются ли они, кроме личности, на все социальное сообщество или на более узкий речевой коллектив, или относятся к определенным этапам становления только данной языковой индивидуальности и определяются конкретными ролями – психологическими, физиологическими, социальными, латентными и явными, – которые она исполняет»².

Учитывая данную концепцию, предполагаем, что для выявления лингвокультурной специфики эпистолярного текста в целом, эволюции его лингвокультурологических характеристик на протяжении XIX–XX вв., а также для определения особенностей реализации эпистолярного идиостиля целесообразно рассмотреть следующие единицы русского частного письма:

1) на *семантическом* уровне – языковые единицы, использование которых иллюстрирует положение о том, что частное письмо представляет собой письменную форму разговорного стиля, а также средства реализации языковой игры в эпистолярном тексте;

2) на *лингвокогнитивном* уровне – ключевые слова – имена концептов (в том числе имена собственные), для которых характерна высокая частотность в анализируемом материале, специфику вербализации рассматриваемых концептов в эпистолярном тексте в целом, ее эволюцию, а также индивидуально-авторские особенности их представления в письмах;

3) на *мотивационном* уровне – представленные в письмах речевые акты (далее – РА), их формальные и содержательные характеристики, изменяющиеся с течением времени и характеризующие особенности эпистолярного идиостиля.

---

² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. С. 39.

Объектом исследования являются стилистические, когнитивные и коммуникативные средства передачи культурно значимой информации в русском эпистолярном тексте.

Предмет исследования – особенности языкового оформления, концептуального содержания русского эпистолярного текста и реализации речевых интенций в частных письмах.

Цель работы – дать системное лингвокультурологическое описание русского эпистолярного текста XIX–XX вв., т. е. охарактеризовать его стилистические особенности, основные эпистолярные концепты, представленные в том числе и посредством ономастических единиц, а также формальные и содержательные признаки РА, типичных для писем.

Целью работы обуславливается постановка следующих **задач**:

1) выявить фонетические, грамматические, словообразовательные и лексические особенности эпистолярного текста, направленные на имитацию непосредственного общения, а также специфику их употребления в письмах, принадлежащих к определенным временным периодам;

2) установить стилистические приемы, позволяющие создать непринужденную обстановку в эпистолярном общении, и их изменения на протяжении двух веков;

3) представить изобразительно-выразительные средства русского частного письма, характеризующие языковую личность пишущего;

4) создать классификацию концептов эпистолярного текста;

5) разработать методику описания эпистолярных концептов, а также приемы выявления эволюции их содержания в течение двух веков;

6) определить специфику употребления ономастических единиц в русском эпистолярном тексте;

7) дать описание формальных и содержательных параметров РА, характерных как для эпистолярия в целом, так и для писем конкретных авторов;

8) охарактеризовать эпистолярный этикет, его особенности и изменения, которые представлены в РА, используемых в русских частных письмах.

Гипотеза исследования. В эпистолярных текстах эксплицированы значимые для этноса культурные смыслы и правила дистантного общения, а также отражена их эволюция; кроме того, в частных письмах зафиксированы специфические черты разговорной речи как представителей того или иного временного периода в целом, так и конкретных носителей языка.

Материалом исследования послужила авторская картотека извлеченных из эпистолярных текстов русских писателей XIX–XX вв. микро- и макроконтекстов, в состав которых включены анализируемые единицы. Картотека составляет около 15 тыс. контекстов.

Источниками исследования стали написанные на русском языке частные письма классиков отечественной литературы – А.С. Пушкина

(628 писем), Л.Н. Толстого (1076), А.П. Чехова (895), М. Горького (1195), М.А. Шолохова (499), В.П. Астафьева (627), художественное и эпистолярное наследие которых имеет статус общенационального культурного достояния; создатели художественных произведений являются представителями элитарной речевой культуры, и их отличает высокий уровень владения речью, что является основной причиной выбора писательского эпистолярия в качестве источника данного исследования.

Стремление обеспечить объективность результатов диссертационного исследования, а также специфика объекта, цели и задач работы обусловили выбор комплекса **методов и приемов**: в качестве основного избран метод лингвистического описания, включающий наблюдение, систематизацию, обобщение языковых фактов и позволяющий выявить лингвокультурологическую специфику анализируемых единиц, который дополняется приемами компонентного, контекстуального, коммуникативно-прагматического, концептуального и квантитативного анализа.

Методологической основой исследования являются научные концепции, разработанные в рамках следующих направлений:

- *когнитивной лингвистики, концептологии и лингвокультурологии* (Н.Ф. Алефиренко, С.А. Аскольдов, Е.В. Бабаева, Н.Н. Болдырев, Е.В. Брыкина, Е.М. Верещагин, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.Г. Костомаров, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, О.В. Никитин, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.);

- *теории дискурса* (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров и др.);

- *теории речевой деятельности* (Т.Г. Винокур, Г.Е. Крейдлин, Л.П. Крысин, А.А. Леонтьев и др.);

- *теории изучения языковой личности* (А.А. Ворожбитова, Г.И. Богин, Т.В. Булыгина, Ю.Н. Караулов, В.П. Нерознак, А.П. Седых, О.Б. Сиротина, В.И. Шаховский, А.Д. Шмелев и др.);

- *лингвистической прагматики и теории речевых актов* (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, В.В. Дементьев, Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль, Т.В. Шмелева и др.);

- *семантических исследований лексики и грамматики* (Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия и др.);

- *теории ономастических исследований* (Е.Л. Березович, В.Д. Бондалетов, Н.В. Васильева, М.В. Горбаневский, Г.Ф. Ковалев, Н.В. Подольская, М.Э. Рут, А.В. Суперанская, В.И. Супрун и др.);

- *исследований по стилистике русского языка* (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, А.Н. Кожин, М.Н. Кожина, Н.А. Лукьянова, В.П. Москвин, О.Б. Сиротина и др.);

- *лингвистических исследований языковой игры* (Т.А. Гридина, В.З. Санников, А.П. Сквородников, М.Ф. Шацкая и др.);
- *лингвистических исследований русского речевого этикета* (А.А. Акишина, А.Г. Балакай, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская и др.);
- *лингвистических исследований эпистолярного текста и дискурса* (Н.И. Белунова, Н.А. Каленова, Н.А. Ковалева, А.В. Курьянович, И.А. Лешутина, О.П. Фесенко и др.).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведен системный лингвокультурный анализ разноуровневых единиц, включенных в эпистолярный текст, а также выявлены тенденции эволюции их употребления на протяжении XIX–XX вв.; предложены дополнительные принципы классификации эпистолярных концептов и методика их описания; определены особенности употребления ономастических единиц в частных письмах; выявлены основные приемы создания языковой игры в эпистолярном тексте; дана подробная характеристика прецедентных феноменов эпистолярного текста; определены основания для характеристики эпистолярного идиостиля.

Теоретическое значение исследования определяется тем, что оно дополняет знания об эпистолярном тексте как лингвокультурном феномене, вносит вклад в разработку методов и приемов лингвокультурного анализа языковых единиц, предлагает новые методики, позволяющие проводить отбор, классификацию и описание концептов эпистолярного текста, а также характеристику языковой личности автора писем. Помимо этого, в работе дано обоснование необходимости создания новой отрасли лингвистики, объектом изучения которой является эпистолярный текст, – лингвистического эпистоловедения.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в преподавании учебных курсов по лингвокультурологии, этнолингвистике, лингвоконцептологии, стилистике, лексикологии, ономастике, теории текста, при чтении разнообразных спецкурсов по данным дисциплинам, в том числе спецкурса по лингвистическому эпистоловедению. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы при лингвистическом анализе текста, изучении идиостиля писателей, в практике преподавания русского языка как иностранного.

Положения, выносимые на защиту:

1. Стремлением пишущего имитировать непосредственное общение в устной форме обусловлено использование в частных письмах следующих стилистических средств, свойственных разговорной речи: на фонетическом уровне – написание слов в соответствии с произношением (в том числе ненормативным), удвоение и утроение букв, слоговая парцел-

ляция; на грамматическом – предикативы, разговорные частицы и формы имен существительных, а также местоимения в экспрессивной функции; на словообразовательном – разговорные, экспрессивные и субъективно-оценочные суффиксы, окказиональное словотворчество и вербализация высокочастотных номинативных словосочетаний; на лексическом – стилистически разнородные единицы и экспрессивные слова. Желанием создателя письма придать непринужденность эпистолярному общению вызвано использование таких приемов языковой игры, как нарушение фонетических и грамматических норм, употребление архаизмов, трансформация эпистолярных формул и стереотипов; некоторые из вышеперечисленных стилистических средств и приемов имеют особенности реализации в письмах, относящихся к определенным временным периодам, что отражает тенденции эволюции языковой системы и речевого оформления эпистолярия, а также в письмах отдельных авторов, что может найти применение при характеристике эпистолярного идиостиля.

2. Частные письма являются ценным материалом для описания языковой личности их создателя: эпистолярный идиостиль проявляется прежде всего в предпочтении метафор, относящихся к определенным тематическим группам, а также в употреблении высказываний, принадлежащих другим лицам, а именно прецедентных текстов, в том числе пословиц, и не являющихся прецедентными фрагментов устной и письменной речи других лиц; способы включения фрагментов чужой речи в письмо также характеризуют идиостиль его автора.

3. Концепты эпистолярного текста с учетом особенностей их реализации в русских частных письмах делятся на следующие группы: а) эпистолярные константы, т. е. представленные в письмах большим количеством употреблений единицы «Письмо», «Здоровье», «Погода», у которых реализующие их лексемы имеют специфическое контекстуальное окружение, характерное именно для писем; б) эпистолярные «переменные», т. е. единицы, которые вербализуются в письмах посредством различных лексем, номинирующих средства дистантного общения, материалы и инструменты для письма, а также средства передвижения, и у которых изменения в употреблении обусловлены экстралингвистическими факторами; в) собственно лингвокультурные концепты «Дом», «Грех», «Праздник», т. е. единицы, представленные одноименными ключевыми словами, имеющими особую, «эпистолярную» семантику, которая изменяется в письмах с течением времени. Методика описания концептов эпистолярного текста состоит в выявлении контекстуального окружения одноименных ключевых слов и типовых ситуаций, реализованных высказываниями с данными словами. Различия в контекстуальном окружении ключевого слова, наборе типовых ситуаций, частотности вербализующих концепты лексем, отмечен-

ные в письмах разных временных периодов, могут быть маркерами эволюции содержания концепта или значения лексемы; в то же время различия в контекстуальном окружении ключевого слова или в представлении типовых ситуаций с ним в эпистолярном наследии одного автора, по сравнению с другими, могут свидетельствовать об индивидуально-авторской специфике вербализации концепта.

4. К наиболее частотным единицам эпистолярного ономастикона относятся антропонимы, библионимы, геортонимы и топонимы; менее частотными, но весьма значимыми для лингвокультурного анализа являются этнонимы, а также колоронимы, близкие по некоторым функциям к ономастическим единицам. При выявлении лингвокультурного потенциала онимов эффективно применение элементов методики описания концептов, используемой при описании концептов эпистолярного текста; употребление имен собственных в письмах имеет свою специфику: они нередко подвергаются усечению и сокращению (для геортонимов и библионимов характерно использование одного слова вместо нескольких; для антропонимов и, реже, библионимов – сокращение слова до нескольких букв, словосочетания – до аббревиатуры); антропонимы и библионимы могут использоваться для создания языковой игры; особенности употребления геортонимов (в частности, названий православных праздников) и колоронимов в письмах разных временных периодов обусловлены экстралингвистическими факторами. Для придания эпистолярной коммуникации шуточной или иронической окраски авторы нередко употребляют прецедентные имена (антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы), при этом, помимо общеизвестных онимов, в данной роли используются имена и фамилии людей, знакомых автору и адресату, а также известные им обоим географические названия.

5. Для РА, составляющих частное письмо (приветствие и прощание, благодарность, извинение, поздравление, пожелание, приглашение, просьба и упрек), существуют определенные способы языкового оформления и наиболее частотные ситуации, в которых реализуется та или иная речевая интенция. В формальных и содержательных характеристиках анализируемых РА находит отражение национально-культурная специфика русскоязычной эпистолярной коммуникации, а также конвенциональные установки эпистолярного общения, изменяющиеся с течением времени. Различия в содержании или оформлении РА в письмах, относящихся к разным временным периодам, могут свидетельствовать об изменении правил эпистолярного этикета; индивидуально-авторские особенности формальных или содержательных характеристик РА представляют собой средства характеристики эпистолярного идиостиля.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приемы исследования; объем анализируемого материала репрезентативен, поскольку включает достаточное количество эпистолярных текстов; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу; основные выводы отражены в монографии (Волгоград), главах коллективных монографий (Волгоград, Москва, Нижний Тагил), а также в научных статьях и материалах докладов, опубликованных в России и за рубежом.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и выводы исследования были изложены в 2009–2015 гг. на международных, всероссийских, региональных и зарубежной конференциях в Астрахани (2010), Белгороде (2010), Бийске (2009), Волгограде (2009–2015), Ельце (2011), Оренбурге (2011), Ростове-на-Дону (2011, 2012), Санкт-Петербурге (2011), Старом Осколе (2012), Таганроге (2012), Уфе (2010), Челябинске (2010, 2012), Ярославле (2012), в Болгарии (Велико-Тырново, 2010) – всего на 29 конференциях.

Основные результаты исследования отражены в 64 публикациях общим объемом более 41 п. л., из них 15 статей (7,65 п. л.) – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, авторская монография (12,25 п. л.), главы в трех коллективных монографиях (3,5 п. л.), а также статьи в сборниках научных трудов, материалов конференций и других изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, объект и предмет исследования, его цели и задачи, охарактеризованы анализируемый материал и методы исследования, представлены методологическая и теоретическая базы изыскания, раскрыты его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы гипотеза диссертационного исследования и положения, выносимые на защиту, оценка достоверности результатов исследования, а также указаны сведения об апробации основных результатов работы и ее структуре.

В **главе 1 «Стилистические особенности русского эпистолярного текста и их изменение на протяжении XIX–XX вв.»** рассмотрены приемы, используемые авторами писем для имитации непосредственного общения в устной форме, а также для создания непринужденной атмосферы эпистолярной коммуникации. Кроме того, дан подробный анализ единиц, эксплицирующих особенности языковой личности создателя писем.

Вопрос о стилистическом статусе эпистолярия в настоящий момент остается дискуссионным, однако большинство исследователей разделяют точку зрения, согласно которой частное письмо отражает разговорный стиль речи³.

Для имитации разговорной речи в эпистолярном тексте используются характерные стилистические средства, относящиеся к фонетическому, грамматическому, словообразовательному и лексическому уровням языка.

Авторы писем нарушают нормы орфографии, записывая слова в соответствии с их произношением (*Будьте здоровы и щисливы...* [Ч1: 517]; *Скушно и тяжело тут* [Ш: 123]), удваивают или утраивают буквы, обозначающие гласные и, реже, согласные звуки для выражения оценочных реакций на описываемые им события (*Скоро <...> пенсию писательскую дадут. Вот уж тогда я порыбачу-у-у!..* [А: 106]; *Кое-где почувствовал я некоторую небрежность языка, <...> прррротестую!* [Г3: 174]).

Каждый автор выбирает определенные способы создания иллюзии устной речи, которые можно рассматривать как проявление особенностей его эпистолярного идиостиля. Например, в письмах Л.Н. Толстого наиболее частотным приемом является редукция срединной части отчества (*Нехорошо это, любезный Николай Алексеич, что вы так себя распустили* [Т1: 505]); В.П. Астафьев использует разговорный вариант местоимения *что* (*В Чусовом чѣ заснимешь – все нам дорого, присылай* [А: 304]).

В письмах также возможна передача особенностей произношения носителей других языков или диалектов и лиц с дефектами дикции (*Есть тут у нас теперь «камара-одиночка», как называл сии заведения мой разлюбезный папуля...* [А: 366]; Антуан **Тиекоф** (произношение кн. Урусова) [Ч1: 568].

На уровне грамматики в письмах отмечены следующие явления, характерные для устной речи: предикативы (*Прозаики еще туда-сюда, поэты же совсем швах* [Ч1: 182]); разговорные частицы (*Ну, а теперь – как Вы живете?* [Г1: 113]; *Я вот учусь на высших литературных курсах...* [А: 37]); разговорные формы имен существительных (*Дай бог мне зашибить деньгу...* [П3: 102]); употребление местоимений в экспрессивной функции (*А какие водятся на Дону старинные песни <...> – дух захватывает* [Ш: 153]).

Для частных писем характерны следующие словообразовательные особенности, свойственные устной речи: окказиональное словотворчество (*... может быть, Вы и скажете, что я «заголовокружился» от «успехов» и потерял самокритическое чутье* [Ш: 130]); использование

³ См., напр.: Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Рус. яз., 1979. С. 5; Сиротинина О.Б. Разговорный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 320.

суффиксов существительных и прилагательных, маркированных как разговорные, экспрессивные и / или субъективно-оценочные (...**шлянье** вне дома или **писанье** повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагоприятно [Т1: 538]; ... мне то и дело встречались парни **бранчливые**, **хвастливые**, **заносчивые** и **пройдошистые**... [А: 72]); образование глаголов по определенным моделям (*Как Вы **поживаете**? <...> Я – тоже **поскрипываю**...* [Т1: 60]); вербализация высокочастотных сочетаний разговорной речи, имеющих номинативную функцию (***Апель Апельичу** наше **нижайшее*** [Ч1:101]).

Для отражения лексических особенностей разговорной речи в письмах используется экспрессивная лексика, в частности глаголы (... *ваше мнение **все-таки **катайте**** прямо, как бы оно ни было **нелепо*** [Т1: 423]; ... *жена **утащила** на рынок и **перепечатывать** письмо **некому*** [А: 33]).

Непринужденная атмосфера эпистолярного общения создается авторами писем посредством нарушения фонетических и грамматических норм литературного языка, употребления архаизмов, трансформации эпистолярных формул и стереотипов.

Отражение просторечного или диалектного произношения в письмах осуществляется с помощью передачи на письме специфических вариантов артикуляции гласных и согласных (*Но что дальше будет – **бьада!!!*** [Т1: 626]; *Оно* (письмо. – Т.А.) – *«**общее**», **информационное*** [Ш: 687]), упрощения групп согласных (*А он, **Вася**, **вон любимой **по-аглицки**** письма **шпарит**...* [А: 693]), появления протетических звуков (*К **Линтваревым** **приехал** **полубог** **Воронцов** – **очень **вумная****, **политико-экономическая** **фигура**...* [Ч1: 243]) и некоторых других приемов.

Авторы писем используют диалектные или просторечные формы имен существительных, прилагательных, местоимений, глаголов (*Может быть, вы только охотник до этих **делов**, как и я* [Т1: 783]; *Живем мы тихо-мирно, вокруг же все **хужей** и **тревожней*** [А: 501]; *Вы, товарищ, спрашиваете: «**Чего не хватает** нашим молодым писателям» для того, чтобы книги **ихние** «брали за живое»? [Г3: 159]; ... *похвала от настоящего историка <...> будет **лестна** для меня; а из **укоризны **научуся**** (чего, знаете Вы сами, не **дождуся** от записных наших критиков) [П3: 330]), а также предлог *об* перед словом, начинающимся с согласного звука (*Было бы **неплохо**, если б ты **об деле** и о своей **живухе** черкнул **письмишко*** [Ш: 272]).**

На рубеже XIX–XX вв. количество солецизмов в писательском эпистолярии заметно увеличивается. При этом не только растёт частотность отдельных лексем с «нелитературными» словоизменительными парадигмами, но и расширяется диапазон таких форм. Так, в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого представлено только 2 типа солецизмов, в эпистолярии А.П. Чехова – 6, М. Горького – 4, М.А. Шолохова – 7, а в письмах В.П. Астафьева – уже 17 (!).

Среди лексических единиц, используемых для создания непринужденной атмосферы эпистолярной коммуникации, особое место занимают архаизмы. Они придают высказываниям иронический или шуточный оттенок, обычно употребляясь в сочетании с разговорными или просторечными единицами (*Благодарю за письмо и за беспокойство о моем некадзистом здравии* [Ч1: 204]; *Сегодня, возвернувшись из Сибири, где я умудрился простыть, ибо пижон есть и уехал в ботинках...* [А: 93]).

В эпистолярном наследии А.С. Пушкина, А.П. Чехова и М. Горького наряду с отдельными архаизмами отмечены библейские цитаты, вплетенные в высказывания на бытовые темы, в то время как в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева цитаты и фразеологизмы библейского происхождения не представлены.

К характерным именно для частных писем приемам языковой игры⁴ относятся трансформация речевых формул эпистолярной фразеологии, модификация антропонимов (в подписи, а также при именовании адресата или третьих лиц), *употребление имен существительных вместо местоимений в формах 1-го и 2-го лица. В частности, изменению подвергаются формулы приветствия, прощания, пожелания*, эпистолярного комплимента, т. е. «выражение вежливости, которым заканчивается письмо к знакомому адресату»⁵. Так, А.С. Пушкин и А.П. Чехов вместо привычных для начала письма этикетных эпитетов *дорогой, уважаемый* и под. иногда используют инициальные обращения и определения, выражающие оценку поведения адресата и / или тематически связанные с информацией, содержащейся в его письме (*Благоразумный Левинька!* [П1: 139]; *Брат наш мерзавец Александр Павлыч!* [Ч1: 34]). А.С. Пушкин и М.А. Шолохов к словам *целую, обнимаю, благословляю*, которые используются как «форма прощания в письмах родственникам, друзьям, близким знакомым»⁶, добавляют слова-конкретизаторы, подробно описывающие действия, обозначенные данными глаголами (*Целую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; целую Машку и так далее, до семи раз* [П3: 190]; *Ну целую и обнимаю всех до высшего и до большого степени! А роднушка особо!..* [Ш: 18]).

Трансформация формул пожелания имеет свои особенности в письмах разных временных периодов: в XIX в. она достигается посредством моди-

⁴ Термином «языковая игра» в данной работе обозначается «неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» (см.: Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. слав. культуры, 1999. С. 67), которая «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» (Там же, с. 13, 15).

⁵ Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 82.

⁶ Там же. С. 586.

фикации содержания пожеланий при стилистической нейтральности реализующих его языковых единиц (... (барон. – Т.А.) *желает тебе 1000 хороших вещей (например, устриц)* [П2: 409]; ... *да поможет Вам море и воздух, и пусть не трогает Вас исправник* [Г1: 36]), а для писем XX в., напротив, характерны изменения в языковом оформлении пожеланий, содержание которых весьма традиционно (*Обнимаю и желаю процветания даже на этой паскудной работе* [Ш: 234]; ... *желаю теплой зимы, доброго здоровья, а тебе писучести и всего самого хорошего* [А: 172]).

Конкретизация формул эпистолярного комплимента, отмеченная в письмах А.П. Чехова и М.А. Шолохова, осуществляется посредством расширения приложения к подписи, тематически связанного с содержанием письма (*Твой должник Antonio* [Ч2: 105]; *Ваши землепроходцы* [Ш: 647]) или основанного на буквальном восприятии местоимений, традиционно используемых в формуле (*Весь Ваш, с сапогами, с калошами, с зубами, с жилеткой и проч.* А. Чехов [Ч1: 125]; *Ваш с головы до ног* М. Шолохов [Ш: 69]).

Широкие возможности для языковой игры предоставляют различные модификации антропонимов, основанные на употреблении иноязычных аналогов имен с использованием как кириллического, так и латинского шрифта (*Тебе ничего не пишу, мусье Lion, за то, что за тобою еще несколько ответов* [П1: 447]; *Да пришли мне кольцо, мой Лайон* [П1: 341]; *Твой муж Антонио* [Ч2: 470]; *Твой Antoine* [Ч2: 287]) или на образовании окказиональных вариантов имен, чаще с помощью присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов к основе имени или фамилии (*Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку Всеволодчика* [П1: 293]; *В «Мире искусства» тебя хвалят, Книпуша* [Ч2: 538]; *Милая моя и родная Марусенок!* [Ш: 8]; *Дорогая Маня и астафьята, здравствуйте!* [А: 38]). Первый из указанных приемов характерен для XIX в., второй же отмечен в письмах, относящихся к разным временным пластам.

Кроме того, в XIX в. автор письма мог называть адресата не только его официальным именем, но и прозвищем, иногда исключительно эпистолярным (*Прощай, Фока, обнимаю тебя, твой друг Демьян* [П1: 93]; *Прощайте, мой голубчик, жму вашу руку, обнимаю Женечку и Пиндигашек* [Т1: 451]; *Здравствуй, милый мой Игнациус...* [Ч2: 532]). В письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова в качестве аутографонима⁷ могут быть использованы как собственные, так и нарицательные имена существительные (*Весь ваш Яблочный Пирог* [П1: 52]; *Интриган* [Ч2: 149]).

---

⁷ Термин В.И. Супруна, которым автор именуется «различные серьезные и шуточные подписи в письмах, дарственных надписях и т. д., которые хотя и бывают нередко также вымышленными, заменяют подлинные антропонимы, но употребляются только в интимном общении...» (см.: Супрун В.И. Пушкинский аутографоним // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 98).

В финале писем к женам авторы нередко используют имена и ласковые прозвища адресатов вместо ожидаемых местоимений в форме 2-го лица (*Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку – я все еще люблю Гончарову Наташу...* [ПЗ: 153]; ... *хотел на него* (письмо. – Т.А.) *не отвечать, но потом думаю, надо написать, а то мой роднушок как раз на Рождество уедет в Буканов* [Ш: 17]). Местоимения в форме 1-го лица также могут заменяться именами существительными с целью самохарактеристики (*Прощайте, милая барышня, глупый человек любит вас...* [Г1: 420]).

Эпистолярный текст характеризуется ярко выраженной антропоцентричностью, или, еще более узко, «автороцентричностью», которая находит свое воплощение не только в использовании тех или иных языковых единиц, но и в предпочтении определенных метафор, а также в употреблении фрагментов текстов и отдельных высказываний, созданных другими людьми.

Важное место в писательском эпистолярном жанре занимает тема литературного труда, которая нередко раскрывается посредством метафор и сравнений. Авторы описывают этапы творчества, включающие процесс работы над рукописью, его завершения, подготовку произведения к опубликованию, а также сообщают адресату о впечатлениях после прочтения художественных произведений, написанных другими людьми. К наиболее популярным типам метафор, отмеченным в письмах всех анализируемых авторов, относятся антропоморфные (*На днях пришла вам проза – да Христа ради, не обижайте моих сирот-стишонков печатками и т. п.* [П2: 72]) и метафоры трудовой деятельности (*Плету потихоньку четырехэтажный драматический чулок со стихами, но не в стихах* [Г1: 150]). В целом литературный труд в описании классиков русской литературы предстает как процесс, подобный монотонной физической работе, а произведение воспринимается автором как собственный ребенок.

Метафоры или сравнения определенной тематической группы, использованные в письмах только одного автора, относятся к средствам характеристики его языковой личности. Так, в письмах А.С. Пушкина представлены так называемые «экономические» (*Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев оброчный мой мужик!* [ПЗ: 328]) и сказочные метафоры (*Ваши стихи: вода живая; наши – вода мертвая; мы ею окатили «Современника». Опрысните его Вашими кипучими каплями* [ПЗ: 432]); в эпистолярном жанре А.П. Чехова отмечены медицинские сравнения (*Пока не решусь на серьезный шаг, т. е. не напишу романа, буду <...> работать ровно, как работает пульс Буренина* [Ч1: 275]) и театральные метафоры (*... пришлось писать* (рассказ. – Т.А.) *с антрактами* [Ч1: 79]); В.П. Астафьев использует в письмах военные метафоры (*Я все бьюсь, штурмую повесть* [А: 51]).

Среди прецедентных текстов, используемых в эпистолярных русских писателях, наиболее популярны пословицы, классические произведения русской и зарубежной литературы, библейские тексты, афоризмы и песни. Каждый автор имеет определенные предпочтения в выборе источников прецедентных текстов, что показано в таблице.

Источники прецедентных текстов	Авторы писем						Всего
	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	
Пословицы	25	12	39	31	7	32	146
Русская классическая литература (в том числе пушкинский текст)	24 (3)	3 (1)	7 (5)	13 (5)	8 (3)	27 (6)	82 (23)
Библейские тексты	7	7	39	15	4	6	78
Афоризмы	5	11	6	15	–	11	48
Иностранная классическая литература	15	10	1	2	3	–	31
Песенное творчество	1	–	5	2	7	5	20
Греческая мифология	10	–	1	–	–	–	11
Анекдоты	–	–	–	–	–	3	3
Фильмы	–	–	–	–	–	2	2
Всего с/у в письмах	87	43	98	78	29	86	421

Наиболее значимое различие в употреблении прецедентных текстов в письмах разных временных периодов состоит в том, что в XIX в. авторы активно использовали фрагменты текстов на других языках, в то время как в XX в. иностранные вкрапления в писательском эпистолярном отсутствуют.

Прецедентные тексты включаются в частные письма посредством цитирования, аппликации, аллюзии и парафраза⁸. Первые две фигуры интертекста активно используются всеми авторами, вторые две более характерны для писем А.С. Пушкина и А.П. Чехова, у остальных встречаются реже. К особенностям цитирования и текстовой аппликации в частных письмах в целом относится прежде всего нарушение точности текста, воспроизводимого по памяти. Данные приемы обычно используются для придания высказыванию выразительности. Однако в письмах А.П. Чехова цитиро-

⁸ Подробнее о типах фигур интертекста см.: Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. С. 78–162.

вание может служить и средством создания комического эффекта (*Был я в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про которые в писании сказано: «До конца претерпех»...* [Ч1: 71–72]). Остальные авторы для выражения иронии обычно используют парафраз (*Ars longa, a vita, особенно в 74 года, очень brevis* [ТЗ: 519]; *А пока «все смешалось в доме Астафьевых!» – дочь выходит замуж – это, брат, пострашнее бомбежки!* [А: 207]).

В писательском эпистолярии используются различные способы трансформации пословиц (смешение нескольких: *Знаешь ли ты, что есть поговорка: на чужой сторонке и старушка божий дар* [П: 168]; перестановка местами слов в поговорке: *Правда ли, что Вы хвораете? Quod licet bovi, non licet Iovi...* [Ч1: 208]; замена одного компонента пословицы другим, в результате чего происходит ее конкретизация: *... я сказал о себе, – в ответ на комплимент, – что <...> я – на безрыбье рак, на безлюдье – Фома* [Г1: 98]; буквализация значения пословицы: *... И ей богу же для меня все шляхи и траки не в Рим ведут (и не в Италию), а в Москву* [Ш: 124]; расширение компонента состава пословицы: *...переезд в наш век равен не только двум пожарам, но еще и одному выходу в космос без скафандра, без шапки, без кальсон* [А: 342]).

Отмечены случаи повтора одной и той же пословицы в письмах конца XIX–XX вв., принадлежащих одному автору (А.П. Чехов – «И волки сыты, и овцы целы», М. Горький – «Взялся за гуж – не бай, что не дюж», М.А. Шолохов – «Волка ноги кормят», В.П. Астафьев – «Дорого яичко ко Христову дню»).

Высказывания, которые воспроизводят прямую речь, не оформленную в письменном виде, выполняют в эпистолярном тексте функции свидетельства и включения⁹. Функция свидетельства заключается в информировании адресата о высказывании, в результате чего он становится невольным свидетелем передаваемой коммуникативной ситуации; ее обычно выполняют высказывания, которые содержат речь третьих лиц, обращенную к автору или его собеседникам (... *псковский лекарь говорит: можно обойтись и без операции, но нужны строгие предосторожности: не ходите много пешком, не ездите верхом, не делайте сильных движений etc. etc.* [П1: 546]; *И колхозник – бывший партизан, зло блестя глазами, говорит: «У панив и раньше была справниша худоба»...* [Ш: 120]). Функция включения состоит в вовлечении адресата в воспроизводимую ситуацию, в результате чего он более наглядно представляет передаваемое событие; она реализуется посредством высказываний, в которых пишущий цитирует фразы или слова из письма адресата, что позволяет автору ими-

⁹ Подробнее об указанных функциях см.: Brünner G. Redewiedergabe in Gesprächen // Deutsche Sprache. 1991. Heft 19. S. 7.

тировать непосредственное общение с адресатом, вступая с ним в полемику или, напротив, соглашаясь с ним (*Вы пишете, что «всякие сделки с мыслью вам противны». Мне тоже* [Т1: 821]; *Вы пишете: «мне уже 40 лет». Вам только еще 40 лет!* [Г: 121]). Кроме того, данная функция представлена в высказываниях с прямой речью, автором которой пишущий назначает адресата (*Если вздумаете приехать ко мне, то телеграфируйте так: «Алексин, доктору Бездетному, передать Чехову»* [Ч1: 513]).

Для придания высказыванию большей выразительности, а нередко и для достижения комического эффекта в письмах используются высказывания третьих лиц, не связанные прямо с ситуацией, о которой сообщает автор письма. Обычно цитата сопровождается выражениями *как говорил(а)*, *как выражался(лась)* и т. п. (*Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, **pas un bel femme, no une jolie figurlette*** [ПЗ: 448] («не красавица <...> хорошенькая фигурка» (фр.)); *Скоро уж пятьдесят будет, а там, как цыган говорил: «Зима да лето, зима да лето» – и пенсию писательскую дадут* [А: 106]).

Различия в употреблении конструкций с прямой речью в письмах XX в. по сравнению с эпистолярным XIX в. состоят в отсутствии цитирования на европейских языках и в появлении единиц, отражающих на письме особенности произношения людей, относящихся к народам СССР (в частности, украинцев и татар).

В главе 2 «Лингвокультурные концепты русского эпистолярного текста» предложена классификация концептов, представленных в писательском эпистолярном тексте, а также дано их описание с помощью авторской методики. Выявлены различия в представлении ряда концептов, свидетельствующие об эволюции содержания концепта с течением времени, об изменениях в семантике вербализующих его лексем или об индивидуально-авторских предпочтениях в выборе реализующих концепт языковых единиц.

Изучение частных писем в русле лингвокультурологии предполагает прежде всего выявление концептов, актуальных именно для эпистолярного текста, и определение особенностей их вербализации в анализируемом материале. Концепты, представленные в русском эпистолярном тексте, можно разделить на группы, в состав которых включаются:

а) эпистолярные константы, т. е. единицы, представленные в письмах большим количеством употреблений лексем, не изменяющихся в зависимости от эпохи написания письма (*письмо, здоровье, погода*), а также обладающие особой, «эпистолярной» семантикой и специфическим контекстуальным окружением, характерным именно для писем;

б) эпистолярные «переменные», т. е. единицы, которые вербализуются в письмах посредством различных лексем и изменения в употреблении которых обусловлены экстралингвистическими факторами (средства дистантного общения, материалы и инструменты для письма, средства передвижения);

в) собственно лингвокультурные концепты («Дом», «Грех», «Праздник»), т. е. единицы, представленные одноименными ключевыми словами, имеющими особую «эпистолярную семантику», которая изменяется в письмах с течением времени.

Как известно, центральной точкой концепта является одноименное слово – имя концепта¹⁰, и содержание концепта, представляющего собой парадигматическую структуру, выводится из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте¹¹. Главная особенность вербализации концептов в эпистолярном тексте состоит в том, что в высказываниях, включающих ключевое слово, реализуются определенные типовые ситуации, соотносимые с РА. Выделенные ситуации, в соответствии с классификацией Т.В. Шмелевой¹², могут быть распределены по следующим группам: информативные, императивные, этикетные и оценочные. Анализ типовых ситуаций (сценариев), реализованных высказываниями с ключевыми словами, позволяет установить закономерности их использования и на их основе представить описание смыслового потенциала того или иного концепта.

Например, в письмах всех анализируемых авторов отмечены следующие ситуации, представленные посредством высказываний со словом *письмо*: *сообщение* о получении автором письма адресата или третьего лица; о получении или отправке вместе с письмом какого-либо другого предмета; о написании автором письма третьему лицу; об обстоятельствах получения письма адресата автором или письма автора адресатом, написания или отправки письма автора адресату; о содержании писем автора, адресата или третьих лиц; об эмоциях, которые испытывает автор при прочтении письма адресата; о причинах написания или завершения письма автора адресату; о том, что обмен письмами не может заменить непосредственного общения; *просьба* к адресату об ответном письме; *благодарность* за письмо в целом или за его содержание; *извинение* за опоздание с ответом или за содержание письма; *критика* автора за содержание письма.

¹⁰ См.: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 14.

¹¹ См.: Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя «судьба» как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1996. № 6. С. 38

¹² См.: Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.

С учетом методики построения модели концепта на основе фрейма, предложенной В.И. Карасиком¹³, модель концепта «Письмо» можно представить следующим образом: 1) в центре фрейма находится образ человека, который *пишет / отправляет / получает* письмо, автором которого является он сам (для первых двух действий), адресат или третье лицо (для третьего действия), причем происходит это в определенных *обстоятельствах*, нередко эксплицированных в письме; 2) в письме принято указывать *причины создания* письма и его *завершения*, выражать *просьбу* адресату о написании *ответного письма*, выражать *благодарность / критику* адресату по поводу *содержания* его последнего письма или *благодарить* адресата за предыдущее *письмо*; 3) письмо представляет собой *неполноценную замену непосредственного общения* при его невозможности в данный момент, при этом прочтение письма вызывает у человека *эмоции*, подобные тем, которые возникли бы при непосредственном общении.

Появление или исчезновение определенных типовых ситуаций, реализованных высказываниями с ключевым словом, в письмах, которые принадлежат определенным временным пластам, может свидетельствовать об эволюции содержания концепта. Так, только в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого представлены высказывания со словом *письмо*, в которых содержится критика адресата за недостаточный объем письма. Напротив, высказывания, содержащие извинение за избыточный объем письма адресату, появляются только на рубеже XIX–XX вв. Данное наблюдение позволяет сделать предположение об уменьшении среднего объема письма, начиная с этого периода. Появление же с конца XIX в. ряда типовых ситуаций, связанных с упоминанием содержания писем третьих лиц или третьим лицам, а также с информированием адресата о том, что автор пишет письма подряд нескольким лицам, может свидетельствовать о том, что сообщаемая в письмах информация уже не воспринимается как конфиденциальная и эпистолярная коммуникация перестает быть беседой наедине, а превращается в общение нескольких лиц, т. е. становится своеобразным полилогом.

Помимо установления общих закономерностей изменения содержания концепта, возможно выявление индивидуально-авторских различий в его вербализации, что позволяет выявить специфику реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора. В частности, только в письмах М.А. Шолохова встречаются высказывания, реализующие просьбу к адресату не писать ответного письма, поскольку автор может его не получить в связи с отъездом (*Пиши мне до 1-го мая, а после письма не пиши*,

---

¹³ См.: Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2002. С. 166–205.

т. к. придут с запозданием, меня в Москве уже не будет [Ш: 66]); только в письмах В.П. Астафьева представлена ситуация извинения за то, что письмо написано не от руки, а напечатано на машинке (*Еще извини, что отдал письмо на машинку жене. Почерк у меня ужасный, а тут еще рука болит и пишу с трудом и вовсе неразборчиво* [А: 127]).

Подобным образом в работе представлено описание типовых ситуаций, реализованных высказываниями со словами *здоровье, здоровый; погода; телеграмма, телефон*; словами, называющими материалы и инструменты для письма, а также средства передвижения; лексемами *грех, дом, дома, домой, праздник*. Типовые ситуации, реализованные посредством высказываний со словом *здоровье*, связаны с пожеланиями здоровья, вопросами о здоровье адресата и его окружения, выражением эмоций, обусловленных информацией о состоянии здоровья адресата и его близких, сообщением автора о своем здоровье. При этом даже в эпистолярных клише представлены особенности эпистолярного идиостиля авторов. Так, вместе с пожеланием здоровья Л.Н. Толстой желает адресату *душевного спокойствия* (8 с/у), М. Горький – *душевной бодрости* (25 с/у); в пожеланиях здоровья А.П. Чеховым используются краткие формы лексем *благополучный* (55 с/у), *веселый* (19 с/у), *счастливый* (44 с/у).

Сообщая о своем здоровье, автор письма предпочитает не расстраивать адресата тревожными новостями (*Здоровье мое совсем поправляется* [Т2: 120]). Если же приходится писать о болезнях, то делает это неохотно (*Я здоров. Немножко есть нервы, но это пустяки* [Г1: 314]). В письмах А.П. Чехова подобная информация обычно подается в юмористическом ключе (*Я здоров, но не каждый день* [Ч2: 356]). В эпистолярной В.П. Астафьева, напротив, находим примеры сообщения о плохом состоянии здоровья без его «маскировки» (*Да и здоровье наше, особливо у Марьи Семеновны, пошатнулось* [А: 351]). Можно предположить, что отклонения в реализации данной типовой ситуации объясняются особенностями эпистолярной языковой личности автора.

Употребление определений к именам эпистолярных концептов обнаруживает следующие тенденции: 1) в XIX в. авторы используют, наряду с общепотребительными лексемами, индивидуально-авторские эпитеты к слову *письмо* (в письмах А.С. Пушкина – *премеланхолическое, полукислое*; Л.Н. Толстого – *грустно-холодное, кротко-соболезнующее*; А.П. Чехова – *политично-ругательно-нежное, слезно-генеральское*), в то время как в XX в. подобные единицы не отмечены; 2) определения к слову *погода*, которые соотносят погоду с временем года (*зимняя, весенняя* и под.), городом / регионом (*вологдская, питерская* и под.), а также указывают на связанные с ней состояние, деятельность автора письма (*квеляя, писчая*), появляются в анализируемом материале на рубеже XIX–XX вв., в то вре-

мя как в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого отмечены только определения, которые эксплицируют отношение автора к описываемой погоде (*прекрасная, чудесная; отвратительная, ужасная* и под.) или указывают на ее физические характеристики (*теплая, сухая, облачная* и под.).

В типовых ситуациях, представленных высказываниями с лексемами, обозначающими материалы и инструменты для письма, а также в использовании определений к данным словам находят отражение некоторые тенденции изменения традиций оформления частного письма (с середины XX в. письмо может быть напечатано на машинке, причем, как правило, на обычной бумаге вместо специальной почтовой), а также принятых в писательской среде правил этикета (в XIX в. в качестве сувенира преподносят карандаши, а в XX в. – ручки).

Изменение частотности слов *телеграмма, телефон*, ряда слов, обозначающих материалы и инструменты для письма (*чернила, ручка, пишущая машинка*), а также некоторых средств передвижения в частных письмах, принадлежащих к разным временным отрезкам, обусловлено исчезновением или появлением называемых ими объектов.

Вербализация концептов «Грех», «Дом», «Праздник» имеет в эпистолярном тексте определенную специфику. Кроме того, анализ употребления имен концептов позволяет выявить изменения семантического наполнения данных лексем, обусловленные как эволюцией значения лексем, так и индивидуально-авторскими особенностями реализации концепта. Так, в писательском эпистолярии, наряду с различными действиями, подвергающимися осуждению, встречается описание «грехов», связанных с литературной и эпистолярной деятельностью. При этом описания разнообразных «литературных грехов» отмечены в письмах, относящихся к различным временным пластам, а упоминания об «эпистолярном грехе» (длительном отсутствии ответа на письмо адресата), напротив, встречается только в письмах, относящихся к XX в. (... *Вы мне простите мой «грех» – молчание* [Ш: 91–92]). Смысловые компоненты концепта «Грех», отмеченные в эпистолярных текстах, ярко характеризуют личность писателя с точки зрения их отношения к религии. В частности, в письмах Л.Н. Толстого и В.П. Астафьева не содержится идей, которые противоречили бы догматам христианского вероучения. Напротив, в письмах А.П. Чехова представлена типовая ситуация наказания за грехи или отпущения грехов, совершаемая автором или адресатом письма (*Пришло Вам также в наказание за грехи корректуру своего рассказа...* [Ч1: 602]; *Позвольте мне покаяться перед Вами, уважаемый Яков Петрович, и попросить отпущения грехов* [Ч1: 213]).

Эволюция, в частности расширение, семантики лексем *дом, дома, домой*, вероятно, обусловлена изменениями в восприятии пространства но-

сителями языка. В частности, в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого анализируемые единицы используются исключительно для указания на помещение, в котором живет автор, или в результате метонимического переноса словом *дом* именуется домохозяин (*Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? что дом наш, и как ты им управляешь?* [ПЗ: 381]; *Дома же у меня все прекрасно, – все здоровы* [Г1: 690]). В письмах рубежа веков домом начинают именовать также город и страну рождения или проживания (*Возвращусь, вероятно, раньше, чем думал, и очень возможно, что в марте буду уже дома, т. е. в Ялте* [Ч2: 437]; *А затем я все-таки передо жить в Союз, время такое, что надобно быть дома* [Г2: 203]). А в письме В.П. Астафьева, написанном на рубеже XX–XIX вв., находим пример включения в понятие «Дом» всей планеты (*... безбожие, неверие неизбежно приведет его (человека. – Т.А.) «дом» наш уютный – Землю к гибели...* [А: 652–653]).

Значение лексемы *праздник* также подвергается расширению, что может быть обусловлено экстралингвистическими факторами. Если в XIX в. данным словом именуется только христианские праздники (*Поздравляю тебя с прошедшими и будущими призами, с праздником, с новым годом...* [Г1: 340]), то в XX в. в содержание данного концепта включаются и светские праздники, а кроме того, годовщины событий, значимых в жизни конкретного человека, также начинают именоваться праздниками (*Со всеми Вас праздниками: с 50-летием, с Новым годом!* [А: 267]).

Глава 3 «Лингвокультурная специфика ономастических единиц русского эпистолярного текста» посвящена рассмотрению особенностей функционирования онимов в частных письмах, в результате которого определены некоторые сходные черты и различия в использовании лексем разных групп эпистолярного ономастикона. Предложена методика анализа онимов, позволяющая выявить и описать их лингвокультурный потенциал, реализованный в эпистолярных текстах разной временной принадлежности.

Сходство в употреблении онимов в письмах состоит прежде всего в том, что авторы часто подвергают их усечению или сокращению. Например, для библионимов и геортонимов характерно употребление одного слова вместо словосочетания (*Надо бы заканчивать «Поклон» и непременно нынче...* [А: 250]; *В среду на страстной меня выпустят...* [Ч2: 158]); антропонимы сокращаются до одной или нескольких букв (*Я начал переписку только с Ж. и В.* [П1: 333]; *Ник. Сам.!* [Г1: 390]; *Привет Вале, дедушке. М.Ш.* [Ш: 150]). Первая тенденция, вероятно, обусловлена адаптацией онимов к разговорному стилю, используемому в частных письмах, а вто-

рая связана со стремлением автора экономить усилия в процессе написания частотных единиц.

Антропонимы и библионимы в писательском эпистолярном письме нередко используются при создании языковой игры, при этом приемы ее организации для единиц, принадлежащих к разным группам, в частных письмах различаются. Антропонимы подвергаются модификации, состоящей в употреблении иноязычного варианта имени или образовании окказиональных вариантов имен по распространенным словообразовательным моделям. Кроме того, автор письма может использовать вымышленные шуточные (постоянные или ситуативные) имена в подписи или при именовании адресата. Языковая игра, связанная с употреблением библионимов, обычно основана на полной омонимии названия произведения с одноименным предметом или явлением и часто представляет собой не что иное, как олицетворение («*Вареньку*» не получил для корректуры. Она *уехала* в Ялту... [Г1: 82]). Метафорический перенос по ассоциации с представителями фауны в анализируемом материале представлен только в письмах В.П. Астафьева, автора повести «Царь-рыба» (... *все бьюсь с «Рыбой» – ловлю ее, давлую...* [А: 219]). В письмах А.С. Пушкина встречается метафорический перенос, связанный с водной стихией (*Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же...* [П1: 506]). Эпитет, включенный в название произведения, также может стать основой для языковой игры, связанной с использованием антонимичного определения (... *радуюсь тому, что «Тихий Дон» находит столь звучный отклик и у Вас, и у Игора, и у остальных моих читателей ...* [Ш: 76]).

Наблюдается сходство в контекстуальном окружении антропонимов и топонимов: и те, и другие могут иметь при себе определения, выраженные именами прилагательными и причастиями, что является отличительным признаком эпистолярного текста по сравнению с текстами иной жанровой принадлежности. Однако единицы, выступающие в роли распространителей антропонимов и топонимов, выполняют в письмах различные функции. С помощью определений при антропонимах автор показывает свое благорасположение к адресату (*Милый Алексей Николаевич!* [Ч1: 217]; *Дорогой Иванушка!* [А: 71]), в то время как эпитеты, относящиеся к топонимам, служат для экспликации оценки (как положительной, так и отрицательной) автором местности, называемой данным онимом. Так, подавляющее большинство эпитетов, употребленных со словами *Петербург* и *Питер*, эксплицируют отрицательную оценку данных астионимов (*накостный, проклятый, свиный* – в письмах А.С. Пушкина, *гадкий* – Л.Н. Толстого, *дурацкий* – М. Горького).

Анализ употребления определений к словам *Россия* и *Русь* в письмах разных авторов позволяет выявить позицию писателей по отношению к

Родине, ее прошлому и будущему. Так, в эпистолярии А.С. Пушкина наблюдаем противопоставление по принципу «прогрессивная Россия» (*европейская*) – «косная Русь» (*проклятая*); в эпистолярии М. Горького встречаем обратную оппозицию: «старорежимная Россия» (*отмирающая, провинциальная, хмурая*) – «новая, изменяющаяся Русь» (*славная, юная*); у В.П. Астафьева обнаруживаем вариант соотнесения понятий, отличный от рассмотренных выше: «прошлая и настоящая, исчезающая, уничтоженная Россия» (*бедная, затурканная, заживо похороненная, издыхающая, нынешняя, обескровленная, растерзанная, смертельно больная*) – «вневременная Русь» (*великая, добрая, древняя, исконная*).

Антропонимы, в отличие от других разновидностей собственных имен, значительно чаще используются в составе эпистолярных формул (приветствия, прощания, эпистолярного комплимента и т. п.). Для четырех групп рассмотренных онимов (в частности, для антропонимов, геортонимов, топонимов и этнонимов) характерно использование в составе высказываний, которые реализуют определенные типовые ситуации, в большинстве случаев соотносимые с РА.

Антропонимы используются для именованья автора письма (обычно в подписи), адресата (при приветствии, сообщении какой-либо информации, в вопросах, просьбах, советах, упреках, при выражении извинения и благодарности и ряде других РА) и персон, входящих в личную сферу¹⁴ автора и адресата (при передаче приветов или просьбе передать привет, а также в вопросах и просьбах). Геортонимы употребляются преимущественно в высказываниях, представляющих РА поздравления, и могут использоваться не только для наименования праздников, но и для обозначения конкретной даты или временного отрезка, т. е. в функции хрононима. Высказывания с геортонимами в данной функции представляют следующие типовые ситуации: сообщение пишущего о событиях, произошедших в этот период, или планах на указанное время; вопрос о действиях адресата, планируемых на этот период, или приглашение его в гости. На частотность конкретных единиц, относящихся к данной группе, оказывают влияние экстралингвистические факторы. В частности, в анализируемом материале отмечено резкое сокращение православных геортонимов в первой половине XX в. с последующим увеличением их числа к концу столетия.

Типовые ситуации, представленные высказываниями с топонимами, вербализующими концепты «Россия», «Москва» и «Петербург», позволя-

---

¹⁴ Личная сфера говорящего – «фрагмент наивной картины мира», в которую входит «говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально и интеллектуально». См.: Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Яз. рус. культуры, 1995. С. 645–646.

ют эксплицировать коннотативный оценочный компонент семантики данных единиц. Например, в частных письмах даны следующие сценарии, раскрывающие содержание концепта «Россия»: «жить в стране хорошо / плохо», поэтому автор письма сообщает, что ему / другим людям нравится / не нравится здесь жить или автор письма советует адресату жить в стране / за ее пределами; «в стране происходят определенные события, оцениваемые автором как положительные / отрицательные», и эти события происходят давно и регулярно или начали происходить недавно, т. к. связаны с изменениями в обществе. Наличие той или иной типовой ситуации в эпистолярной конкретности автора, а также знак коннотативной оценки, актуализируемой в высказывании, позволяют реконструировать фрагменты языковой картины мира писателей, связанные с восприятием жизни общества и страны, ее прошлого, настоящего и будущего.

Типовые ситуации, реализованные посредством высказываний с этнонимом *русский*, эксплицируют этнические стереотипы, отраженные в письмах классиков русской литературы XIX–XX вв. В письмах нескольких авторов отмечается, что русским людям свойственны такие качества личности, как инертность, отсутствие воли к жизни, а также терпеливость и покорность судьбе. В писательском эпистолярном жанре находит отражение и характеризующий русскую нацию позитивный этнический стереотип: соблюдение этических норм и правил этикета, принятых в цивилизованном обществе. Некоторые «штрихи» к этническому автопортрету представлены только в эпистолярной форме одного из рассматриваемых писателей, что позволяет характеризовать фрагменты языковой картины мира того или иного автора писем: А.С. Пушкин в одном из писем замечает, что русские ленивы; А.П. Чехов несколько раз пишет о присущей русским людям бедности; А.М. Горький неоднократно подчеркивает такую типичную для русских черту, как ложная скромность; через эпистолярное творчество В.П. Астафьева красной нитью проходит убеждение, что русским людям свойственно причинение вреда самим себе.

По некоторым функциям к именам собственным примыкают колоритны. Они в частных письмах могут употребляться в прямом (описание предметов одежды, обложек или, реже, страниц книг, карандаша или чернил; внешности человека, в том числе цвета лица, волос и глаз; природных явлений и объектов, в том числе водоемов, осадков, неба, растений, животных; продуктов питания) и переносном (характеристика различных явлений) значениях. Количество употреблений слов цветообозначения в переносных значениях увеличивается начиная с конца XIX в., что, вероятно, связано с тем, что данные значения получают закрепление в языке. Кроме того, в писательском эпистолярном жанре представлены изменения в цветовой характеристике предметов обихода, возникшие в этот же период.

Так, в XIX в. указание на цвет одежды позволяет автору дать исчерпывающее описание социального положения той или иной персоны, в то время как для представителя XX в. выбор цвета одежды – это лишь повод для демонстрации личных предпочтений ее обладателя. Напротив, дизайн обложки издания становится важным для его автора только на рубеже веков. В то же время в этот период теряет актуальность цветовая дифференциация пометок, сделанных на полях при редактировании рукописи.

В качестве прецедентных имен в писательском эпистолярном письме обычно используются антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы. В числе антропонимов активно используются фамилии отечественных и зарубежных писателей, а также известных исторических деятелей прошлого или современников автора. Среди прецедентных поэтонимов встречаются имена персонажей русской и иностранной литературы, а также русско-го фольклора (в письмах М. Горького) и кинематографа (в эпистолярном письме В.П. Астафьева). Среди мифонимов отмечены имена героев античной мифологии и библейских персонажей. Частотность прецедентных имен и предпочтения в выборе прецедентных имен, относящихся к определенным разновидностям онимов, являются средством характеристики эпистолярного диалекта. Так, в письмах А.С. Пушкина, А.П. Чехова и В.П. Астафьева прецедентные онимы используются более активно, чем у остальных писателей. В то же время в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева не представлены мифонимы, что может быть обусловлено изменениями в языковой картине мира представителей советского общества.

В отличие от текстов СМИ, включающих только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер¹⁵, в частных письмах в роли прецедентных могут выступать имена и фамилии знакомых автору людей, известных ему географических названий. Главным критерием возможности употребления в письме того или иного онима как прецедентного имени является уверенность автора в том, что адресату известны лицо или местность, обозначенные именем собственным, а также их характерные особенности.

Авторы могут использовать прецедентные антропонимы, мифонимы и поэтонимы для автохарактеристики, а также для именованного адресата или лиц, о которых ведется речь в письме, что позволяет придать эпистолярной коммуникации шутовскую или ироническую окраску (*Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает [П2: 123]; Я хожу королем, а мать сзади с сумкой. Я убиваю куропатку и, не оглядываясь на своего толстого Санчо Панса в юбке, властно говорю: «Подбери!» [Ш: 674]*). В писательском эпистолярном письме отмечено употребление словообразо-

---

¹⁵ См.: Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. С. 54.

вательных дериватов прецедентных имен (*ольдекопничать*, *воейковствовать* – у А.С. Пушкина; *Лирство*, *моцарто-гайденовский* – у Л.Н. Толстого; *ноздrevский* – у А.П. Чехова; *фамусовский* – у В.П. Астафьева).

В главе 4 «Коммуникативно-прагматический анализ эпистолярных высказываний в русле лингвокультурологии» представлено описание формальных и содержательных особенностей РА, включенных в частные письма. Установлено, что данные признаки РА могут быть использованы для характеристики русского менталитета в целом и конкретной эпистолярной языковой личности в частности. Количество употреблений различных РА в письмах того или иного автора также может быть средством характеристики его эпистолярного идиостиля. Тенденции эволюции содержания и оформления РА частных писем могут свидетельствовать об изменении правил эпистолярного общения.

По мнению исследователей, письмо – это «типизированная последовательность речевых актов», а его структура «имеет относительно конвенциональный характер»¹⁶. Частотные для эпистолярия РА реализуются посредством высказываний с интенциями приветствия и прощания, благодарности, извинения, поздравления, пожелания, приглашения, просьбы и упрека.

Каждый из перечисленных РА имеет специфические способы языкового оформления и определенную содержательную специфику, которая может быть представлена в виде перечня типовых ситуаций. Так, благодарность в частных письмах принято выражать за письмо адресата (в целом и за выражение эмоционального отношения адресата к сообщаемому или автору письма, за сообщение новой для автора информации), за присылку какого-либо необходимого автору предмета или подарка, а также за помощь автору или персоне, входящей в его личную сферу. Кроме того, характерная именно для писательского эпистолярия типовая ситуация выражения благодарности адресату за создание произведения искусства представлена в письмах А.П. Чехова и М. Горького (по 3 с/у), а также В.П. Астафьева (16 с/у) (*Вы написали превосходную книгу, и я благодарю Вас от всего моего сердца* [Г2: 428]). Уменьшение количества высказываний с благодарностью за письмо в письмах М. А. Шолохова и В. П. Астафьева может свидетельствовать о факультативности этикетной благодарности в письмах, начиная с середины XX в.

Извинения авторы писем обычно приносят за нарушение норм эпистолярного общения, в том числе за большой интервал между получением письма и ответом на него; за то, что объем письма меньше или больше ожидаемого адресатом; за то, что письмо недостаточно информативно, изложение мыслей в нем недостаточно четко и связно. Реализация РА

---

¹⁶ См.: Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 104.

извинения также может быть обусловлена тем, что автор просит адресата о чем-либо или нарушает деловое обещание, данное адресату.

К типично эпистолярным просьбам относятся следующие: сообщить информацию автору или лицам из окружения автора / адресата; прислать автору или лицам из окружения автора / адресата какой-либо предмет; приехать к автору письма (=РА приглашения); простить автора письма (=РА извинения); передать привет лицам из окружения адресата при прощании; заботиться о себе и персонах, входящих в личную сферу автора / адресата.

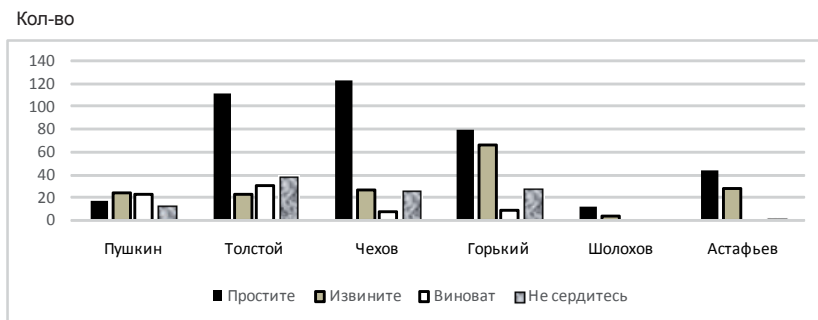
Появление РА упрёка может быть вызвано тем, что адресат выразил отрицательное отношение к автору в своем письме к нему, не ответил на предыдущее письмо автора или опоздал с ответом, проявил негативное отношение к третьим лицам, нарушил деловую договоренность с автором письма или ошибся при выполнении своих профессиональных обязанностей, не соблюдал правила поведения, принятые в обществе и / или своими действиями невольно причинил вред себе или автору письма. Среди РА, включенных в последнюю группу, особое место занимают упрёки в ложной скромности или самоуничтожении, отмеченные в письмах А.П. Чехова и М. Горького (*Вы напрасно – шутливо или уничтожительно? – называете себя «селькоричкой»*, – *селькоры и рабкоры чрезвычайно важное явление в нашей жизни...* [ГЗ: 17–18]).

Приветствие обычно оформляется в виде обращения, которое, как правило, состоит из имени (с отчеством или без), и / или фамилии адресата, и / или нарицательного существительного, характеризующего родственные или дружеские отношения пишущего с адресатом, и которое может сопровождаться прилагательными *дорогой, милый, уважаемый* и нек. др. (*Милый Бестужев* [П1: 159]; *Дорогой брат Миша!* [Ч1: 10]). В частных письмах XIX – начала XX в. инициальные обращения могут отсутствовать; напротив, письма, относящиеся к XX в., всегда начинаются обращением и обычно сопровождаются этикетными словами приветствия (*Дорогой Островский!* [Ш: 258]; *Маня и ребята, здравствуйте!* [А: 49]). В письмах XIX – начала XX в. функцию приветствия может выполнять высказывание с интенцией поздравления (*С праздником, милый друг Миша!* [Т1: 400]).

Формулы прощания, используемые при завершении эпистолярного общения, с точки зрения выражаемого ими содержания могут быть разделены на следующие группы: этикетные слова при завершении общения: *прощай, до свидания* и нек. др.; перформативные высказывания, обозначающие действия в момент прощания при контактном общении: *жму руку, целую, обнимаю, кланяюсь* и т. п.; высказывания с интенцией пожелания, из которых наиболее частотным является пожелание здоровья: *будь(те) здоров(ы), не болей(те)* и нек. др. РА прощания нередко включает в себя

несколько формул, относящихся к разным группам. Отбор эпистолярных формул обусловлен несколькими факторами: нормами речевого этикета, принятыми в ту или иную эпоху; индивидуальными предпочтениями автора письма; отношениями пишущего с адресатом, прежде всего степенью близости отношений и эмоциями, которые испытывает автор письма к адресату. Так, наиболее употребительная формула прощания в XIX в. *прощай* в XX в. сменяется формулами *будь здоров* и *жму руку*. В дружеских письмах М. Горького и В.П. Астафьева находим примеры трансформации последней формулы (*Жму ланку* [Г1: 48]; *Жму Вашу трудовую* [А: 86]), которая, вероятно, используется для того, чтобы придать письму более непринужденный тон. В письмах XIX в. с ведущей интенцией упрека формулы приветствия и прощания могут отсутствовать; в «сердитых» письмах XX в. принято использовать нарочито стандартные формулы приветствия и прощания.

Четкая тенденция прослеживается в употреблении эпистолярных формул, реализующих РА благодарности: в письмах XIX в., наряду с привычными единицами *благодарю*, *спасибо*, *благодарен*, встречается довольно много других синонимичных формул. В середине XX в. авторы используют только слова *спасибо* и *благодарю*. При этом с течением времени изменяется соотношение количества с/у лексем *благодарю* и *спасибо* в письмах одного автора (в письмах А. С. Пушкина отмечено 79 с/у лексемы *благодарю* и 3 – *спасибо*, в письмах Л. Н. Толстого – 172 и 65 с/у соответственно, в письмах А.П. Чехова – 88 и 181 с/у, М. Горького – 73 и 233 с/у, М.А. Шолохова – 18 и 47 с/у, В.П. Астафьева – 40 и 124 с/у). Подобная закономерность обнаруживается в использовании эпистолярных формул, реализующих РА извинения (в письмах XIX в., помимо слов *простите* и *извините*, отмечены эпистолярные формулы *виноват*, *прошу простить*, *не сердитесь*, которые практически исчезают к середине XX в.), что показано на диаграмме.

РА поздравления реализуются посредством перформативных высказываний, построенных по модели «*Я поздравляю (тебя / Вас / вас) со значимой датой / важным событием*», которые обычно расположены в начале или конце письма. Слова и выражения, номинирующие события, с которыми пишущий поздравляет адресата, можно разделить на следующие группы: календарные праздники (в том числе общегосударственные, религиозные, сезонные, личные и профессиональные) и праздники, знаменующие достижения адресата в личной (женитьба, рождение ребенка) или профессиональной (завершение работы над произведением, получение нового назначения) сфере. Соотношение количества поздравлений в связи с деятельностью адресата и с календарными событиями в эпистолярном наследии А.С. Пушкина (22 и 7 с/у) и М. Горького (30 и 20 с/у) является показателем того, что данные авторы усвоили некоторые европейские этикетные нормы; ср. обратное соотношение, представленное в письмах Л.Н. Толстого (4 и 24 с/у), А.П. Чехова (16 и 77 с/у), М.А. Шолохова (4 и 15 с/у), В.П. Астафьева (12 и 77 с/у).

РА пожелания, обычно сопровождающие РА поздравления и прощания, могут реализовываться в письмах как с помощью перформативов (*желаю здоровья, счастья, успехов* и т. п.), так и посредством побудительных высказываний (*будь(те) здоров(ы), счастлив(ы)* и т. п.). Пожелания могут быть стандартными, клишированными и индивидуализированными. Последние используются для того, чтобы подчеркнуть теплое отношение автора к адресату и осведомленность о его текущей деятельности. Как правило, социальный статус адресата таких пожеланий выше, чем у автора (*Крепко жму руку и желаю написать драму* [Г1: 122], письмо адресовано А.П. Чехову). Колебания в частотности употребления эпистолярной формулы *Дай Вам Бог*, реализующей РА пожелания, могут быть связаны как с изменением общественного устройства и обусловленной переменами установкой на избавление от религиозных традиций с последующим их возвращением, так и с сознательным выбором автором письма атеизма или религиозности в качестве способа мировосприятия.

К наиболее частотным группам высказываний с интенцией приглашения относятся побудительные конструкции, обычно со словом *приезжай(те)*; значительно реже используются повествовательные (*Жду / ждем Вас / Вашего приезда; Приглашаю / приглашаем Вас...; (Милости) прошу / просим приехать; Если приедете, буду рад / будем рады* и под.) и вопросительные (*(Не) хотите / сможете / соберетесь / надумаете ли приехать? (Не) приедете ли?*) высказывания. Высказывания, реализующие РА приглашения, могут использоваться в одном письме неоднократно; при этом в эпистолярных текстах XIX в. повтор приглашения используется в случае, когда пишущего и адресата связывают неформальные (друже-

ские или родственные) отношения; в более поздний период наличие нескольких РА приглашения в одном письме указывает на то, что социальный статус адресата выше статуса автора.

Помимо высказываний с интенцией приглашения в состав анализируемого РА включается и его постоянное окружение: временные и пространственные характеристики планируемой встречи / события; упоминание автора о том, что адресату необходимо известить автора о принятии / непринятии приглашения; указание причин, по которым адресату следует принять приглашение. Мотивировки приглашений можно разделить на две группы: представляющие описание планируемых в процессе посещения автора адресатом видов деятельности, которые, по мнению автора, понравятся адресату (*Приезжайте, душенька, пожалуйста. Мы проведем время отлично, и, может, можно будет вас увезти к нам на недельку, то есть ко мне, к сестре и к Тургеневу* [Г1: 402]), и представляющие информацию о том, что автору письма необходима встреча с адресатом (*Очень хочу тебя видеть, хочу обнять тебя и расцеловать за долгое время разлуки. <...> Жду тебя и всех Турковых в Вешики!* [Ш: 638]).

РА просьбы в частных письмах могут реализоваться с помощью перформативных высказываний с глаголом *прошу*, его семантических аналогов *осмеливаюсь просить* (отмечен только в письмах А.С. Пушкина), *я просил бы*, а также посредством вопросительных высказываний (*(Не) можете ли ты / Вы...?*) или повествовательных, так называемых развернутых (*Жду...; Буду благодарен...; Хочется...*). Однако наиболее частотным способом представления РА просьбы в русском эпистолярном тексте является использование императивных конструкций. Перформативы и вопросительные высказывания чаще употребляются в письмах, адресат которых удален от автора письма на социально-психологической (горизонтальной) и статусной (вертикальной) дистанциях, а сама просьба, по мнению автора, характеризуется достаточно высокой сложностью исполнения. Напротив, просьба в форме развернутого высказывания предполагает социальное равенство, близость пишущего к адресату и / или невысокую «цену просьбы». РА просьбы в частных письмах нередко реализуются посредством нескольких высказываний, разных по структуре, но одинаковых по иллокутивной цели (*Очень просил бы прислать и Ваши работы по мифологии; если это Вас не затруднит – пришлите, пожалуйста!* [Г2: 262]).

Основным средством реализации РА упрека в письмах являются высказывания, которые содержат описание действий адресата или пишущего, послуживших мотивом для упрека. Иногда используются перформативы или полуперформативы, эксплицирующие намерения пишущего, возмож-

ны также инвективные высказывания (если пишущий уверен, что оскорбление не приведет к прекращению контакта адресата с автором письма).

Помимо основных средств, реализующих анализируемые РА, существуют и дополнительные средства представления некоторых из них: интенсификаторы РА благодарности (*искренно, сердечно, очень / очень-очень, от (всего) сердца (благодарю, благодарен)*; *большое, горячее, сердечное (спасибо)*; (*примите*) *искреннюю, сердечную (благодарность)* – используются преимущественно в XIX в.), извинения (*пожалуйста, ради Бога / Христа*), средства актуализации вежливости (*пожалуйста, сделай(те) милость / одолжение, будь(те) добры / любезны, очень*) и экспрессивности (*ради Бога, же*) в РА просьбы, а также лексемы, актуализирующие в высказываниях интенцию упрека (*зачем, напрасно, стыдно, жалко, нехорошо, нельзя*). Частотность употребления той или иной единицы в эпистолярной конкретности автора может служить средством характеристики его эпистолярного идиостиля.

Некоторые формальные и содержательные особенности анализируемых РА могут служить для характеристики русского менталитета. В частности, национально-культурная специфика русскоязычного общения находит отражение в РА *благодарности* (небольшое количество формул благодарности, необязательность этикетной благодарности), *извинения* (наиболее частотные связаны с тем, что автор письма несвоевременно отвечает на письмо адресата), *поздравления* (преобладание поздравлений с календарными событиями над поздравлениями с событиями, реализованными благодаря усилиям адресата), *пожелания* (активное употребление побудительных высказываний, а также пожелание того, что не может произойти без усилий со стороны адресата), *приглашения* (преобладание побудительных высказываний, мотивировка приглашения, связанная прежде всего с собственными интересами, а не с желаниями адресата) и *просьбы* (давление на адресата, оказываемое посредством нескольких высказываний, реализующих данную интенцию, а также актуализаторов вежливости и интенсификаторов экспрессивности).

Связанные с эпистолярным этикетом типовые ситуации, представленные в высказываниях, которые реализуют РА извинения, обещания, благодарности, упрека и просьбы, отражают конвенциональные установки эпистолярного общения, в результате чего появляется возможность расшифровать закодированную в письмах информацию о том, что письмо обязательно должно быть большим (для XIX в.) или, наоборот, не должно превышать определенного объема (для XX в.), а также о том, что временной промежуток между получением письма и ответом на него должен быть как можно более коротким и, кроме того, письмо должно быть оформлено таким образом, чтобы адресат понял его без особых затруднений.

В **заключении** диссертации представлены основные выводы исследования и определены основные направления дальнейшего изучения лингвокультурологических особенностей эпистолярного текста.

В результате рассмотрения специфических для частного письма языковых единиц выявлены фонетические, грамматические, словообразовательные и лексические особенности эпистолярного текста, направленные на имитацию непосредственного общения. Дано также описание стилистических приемов, позволяющих создать непринужденную атмосферу эпистолярного общения. Кроме того, представлены изобразительно-выразительные средства русского частного письма, характеризующие индивидуальную языковую личность пишущего.

Анализ концептуального содержания эпистолярного текста осуществлялся посредством авторской методики, состоящей в определении контекстуального окружения (распространителей) ключевых слов, вербализующих тот или иной концепт, а также типовых ситуаций, реализованных посредством высказываний с ключевыми словами. Данная методика была использована при описании различных типов эпистолярных концептов: 1) эпистолярных констант, реализованных большим количеством употреблений имен концептов, не изменяющихся в письмах разных временных пластов; 2) эпистолярных «переменных», реализованных в письмах разных периодов посредством различных лексем, выбор которых обусловлен экстралингвистическими факторами; 3) собственно лингвокультурных концептов, вербализованных посредством ключевых слов, имеющих особую «эпистолярную семантику», которая изменяется в письмах с течением времени. Анализ концептов по предложенной методике позволил определить закономерности использования анализируемых слов в эпистолярном тексте и на их основе представить описание смыслового потенциала того или иного концепта. Различия в контекстуальном окружении, наборе типовых ситуаций, частотности лексем, вербализующих концепты, отмеченные в письмах, которые принадлежат разным временным пластам, могут свидетельствовать об эволюции содержания концепта или значения лексемы. Кроме того, данная методика позволяет выявить специфику реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора и тем самым охарактеризовать особенности его языковой личности и эпистолярного идиостиля.

Рассмотрение особенностей употребления ономастических единиц в русском частном письме позволило определить состав эпистолярного ономастикона, включающего антропонимы, топонимы, библионимы, геортонимы, этнонимы, а также колоронимы как единицы, близкие по некоторым функциям к онимам. Установлено, что антропонимы и библионимы в эпистолярном тексте часто подвергаются сокращению; они также используются для создания языковой игры. Проведен анализ онимов эпи-

столярного текста с точки зрения их контекстуального окружения и реализации в высказываниях с ними определенных типовых ситуаций. Сделано предположение о том, что выявленные различия в употреблении геортонимов и колоронимов в письмах, относящихся к разным временным периодам, обусловлены экстралингвистическими факторами. В результате анализа высказываний с этнонимом *русский* определены этнические стереотипы, отраженные в письмах классиков русской литературы XIX–XX вв. Кроме того, анализу подверглись прецедентные онимы, используемые в частных письмах для придания эпистолярному общению шутливой или иронической тональности.

Результатом анализа коммуникативно-прагматических особенностей частного письма стало описание формальных и содержательных параметров наиболее частотных РА, включенных в эпистолярный текст: приветствия и прощания, благодарности, извинения, поздравления, пожелания, приглашения, просьбы и упрека. Доказано, что в РА, используемых в русском эпистолярном тексте, находят отражение национально-культурная специфика русскоязычной коммуникации, тенденции ее эволюции, а также особенности эпистолярного идиостиля.

Установлено, что формальные и содержательные признаки РА частного письма могут быть использованы для характеристики русского менталитета в целом и эпистолярной языковой личности в частности, а эволюция содержания и оформления эпистолярных РА может свидетельствовать об изменении правил эпистолярного общения или характеризовать особенности эпистолярного идиостиля. Кроме того, дана характеристика особенностей эпистолярного этикета, реализуемых РА, включенными в частные письма, а также выявлены элементы его эволюции на протяжении двух веков.

Системный лингвокультурный анализ номинативных и коммуникативных единиц эпистолярного текста позволил выявить основные тенденции эволюции оформления эпистолярного текста в течение XIX–XX вв. Кроме того, в процессе данного анализа были определены критерии описания эпистолярного идиостиля, связанные прежде всего с использованием определенных приемов создания языковой игры, тропов, источников прецедентных текстов и фигур интертекста, вербальной репрезентацией эпистолярных концептов (в том числе реализуемых посредством онимов), а также с содержанием и оформлением РА, составляющих частное письмо.

Основные направления дальнейшего исследования связаны с привлечением в качестве материала для анализа эпистолярного наследия других писателей-классиков, со сравнительной характеристикой выявленных особенностей эпистолярного идиостиля с чертами художественного идиостиля рассматриваемых авторов, а также с сопоставительным анализом лингвокультурологических характеристик русских частных писем с эпистолярными текстами, написанными на других языках.

Список литературы включает научные источники, словари и справочники, а также источники языкового материала. Диссертация имеет четыре приложения, в которых даны таблицы и диаграммы, представляющие количественные подсчеты анализируемых единиц в каждой из глав работы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Акимова, Т.П. Особенности употребления библионимов в письмах русских писателей / Т.П. Акимова // Дискурс, текст, когниция: кол. монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – Вып. 2. – С. 337–344. (0,5 п. л.)
2. Акимова, Т.П. Ономастическое пространство русского эпистолярного текста (опыт лингвокультурологического описания) / Т.П. Акимова // Лингвистика на рубеже веков: актуальные проблемы и новые подходы: кол. монография: в 2 ч. / под общ. ред. Е.В. Брысиной, Е.Б. Никифоровой. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. – Ч. 2. – С. 59–95. (2,0 п. л.)
3. Акимова, Т.П. Интертекстуальность в эпистолярном дискурсе / Т.П. Акимова // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: кол. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. – М.: Флинта: Наука, 2014. – С. 305–327. (1,0 п. л.)
4. Акимова, Т.П. Эпистолярный текст: лингвокультурологические характеристики (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.): монография / Т.П. Акимова. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 332 с. (12,25 п. л.)

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

5. Акимова, Т.П. Перформативы как средство характеристики языковой личности (на материале писем А.С. Пушкина) / Т.П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2009. – № 5 (39). – С. 70–74. (0,4 п. л.)
6. Акимова, Т.П. Средства выражения интенции просьбы в письмах Л.Н. Толстого / Т.П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2009. – № 7 (41). – С. 72–76. (0,4 п. л.)
7. Акимова, Т.П. Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 65–70. (0,5 п. л.)
8. Акимова, Т.П. Приемы создания языковой игры в эпистолярном тексте (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.) / Т.П. Акимова // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – № 3 (37). – Ч. 2. – С. 69–73. (0,5 п. л.)
9. Акимова, Т.П. Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания / Т.П. Акимова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – Сер. «Филология, история, востоковедение». – № 2 (37). – С. 7–10. (0,4 п. л.)

10. Акимова, Т.П. Хронотоп эпистолярного текста (на материале писем А.С. Пушкина и М. Горького) / Т.П. Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2011. – № 2 (14). – С. 17–22. (0,5 п. л.)
11. Акимова, Т.П. Солецизмы в письме: типология и функции / Т.П. Акимова // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. – 2011. – № 4 (18). – С. 152–155. (0,4 п. л.)
12. Акимова, Т.П. Представление национально-культурных особенностей коммуникации в этикетных речевых жанрах русского эпистолярного текста / Т.П. Акимова // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 1 (45). – С. 211–216. (0,5 п. л.)
13. Акимова, Т.П. Антропонимы в русских частных письмах XIX–XX вв.: специфика употребления / Т.П. Акимова // Известия Тульского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 3. – С. 486–493. (0,5 п. л.)
14. Акимова, Т.П. Особенности функционирования прецедентных текстов в русских частных письмах XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 6 (81). – С. 70–73. (0,4 п. л.)
15. Акимова, Т.П. Специфика употребления метафорических единиц в писательском эпистолярии XIX–XX вв. (на материале лексем, обозначающих литературный труд) / Т.П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 143–150. (0,7 п. л.)
16. Акимова, Т.П. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности (на материале писем русских писателей XIX–XX вв.) / Т.П. Акимова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – № 3 (27). – С. 14–23. (1,0 п. л.)
17. Акимова, Т.П. Архаизмы в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв.: особенности употребления и функции / Т.П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 8 (103). – С. 94–99. (0,5 п. л.)
18. Акимова, Т.П. Эволюция концепта «Письмо» в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв.: опыт лингвокультурологического описания / Т.П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (110). – С. 97–102. (0,5 п. л.)
19. Акимова, Т.П. Лингвокультурные «переменные», отражающие изменения существующих реалий в русских частных письмах XIX–XX вв. (на материале лексем, обозначающих средства дистантного общения: письмо, телеграмма, телефон) / Т.П. Акимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 9 (63), ч. 1. – С. 53–56. (0,45 п. л.)

Статьи и тезисы докладов в научных журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций, изданных за рубежом

20. Акимова, Т.П. Содержание концепта «поздравление» в русском эпистолярном тексте XIX–XX веков / Т.П. Акимова // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике: X Междунар. симпозиум. (8–11 апр. 2010 г.): докл. и сообщ. – Велико-Тырново (Болгария): ИВИС, 2010. – С. 388–391. (0,4 п. л.)

21. Акимова, Т.П. Особенности употребления топонимов «Россия» и «Русь» в писательском эпистолярии XIX–XX веков / Т.П. Акимова // *In honorem magistri Onufrie Vințeler* / Ed. de D. Tetean. – Cluj-Napoca: Editura Napoca Star, 2011 (Румыния). – P. 49–53. (0,45 п. л.)

Статьи в сборниках научных трудов, материалов научных конференций и других научных изданиях

22. Акимова, Т.П. Частотные перформативы в письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова / Т.П. Акимова // *Русское слово: сб. науч. тр. / науч. ред. Е.И. Алещенко*. – Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. – Вып. 2. – С. 16–23. (0,4 п. л.)

23. Акимова, Т.П. Функционирование интерпретационных глаголов в эпистолярном тексте (на материале писем Л.Н. Толстого и А.П. Чехова) / Т.П. Акимова // *Русский язык в современном мире: константы и динамика: материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 7–9 дек. 2009 г.) / науч. ред. Е.В. Брысина*. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 299–305. (0,4 п. л.)

24. Акимова, Т.П. «Хлеб насущный» в письмах русских писателей / Т.П. Акимова // *Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. / ред. К.А. Войлова*. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – Вып. III. – С. 15–20. (0,35 п. л.)

25. Акимова, Т.П. Способы вербализации концепта «Россия» в русском частном письме / Т.П. Акимова // *Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всерос. науч. конф. (Уфа, 15 апр. 2010 г.): в 3 ч.* – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – Ч. I. – С. 11–15. (0,4 п. л.)

26. Акимова, Т.П. Особенности употребления зоонимов в русском эпистолярном тексте (на материале слов, обозначающих понятие «собака») / Т.П. Акимова // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников V Междунар. науч. конф. (Челябинск, 26–27 апр. 2010 г.) / редкол.: Е.Н. Азначеева и др.* – Челябинск: Изд-во «Энциклопедия», 2010. – Т. 1. – С. 177–179. (0,3 п. л.)

27. Акимова, Т.П. Тенденции использования эпистолярных формул приветствия и прощания в бытовых письмах русских писателей XIX–XX веков / Т.П. Акимова // *Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГПУ.* – 2010 г. – № 1(6). – URL: http://grani.vspu.ru/files/publics/129_pub.pdf (0,4 п. л.)

28. Акимова, Т.П. Языковая игра на фоне идиоматики в писательском эпистолярии: названия художественных произведений / Т.П. Акимова // *Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7–9 сент. 2010 г.): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко*. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. – С. 165–169. (0,35 п. л.)

29. Акимова, Т.П. Коннотации астионима «Москва» в эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // *Язык города: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (15–16 окт. 2009 г.)*. – Бийск: Изд-во АГАО, 2010. – С. 121–127. (0,4 п. л.)

30. Акимова, Т.П. Особенности употребления хоронима «Россия» в эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // *Актуальные проблемы исторического и современного языкознания: сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. Е.Н. Борисовой (к 85-летию со дня рожд.)*. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. – С. 79–84. (0,4 п. л.)

31. Акимова, Т.П. Функционирование колоронимов в эпистолярном тексте (на материале писем русских писателей XIX–XX веков) / Т.П. Акимова // *Язык*

и общество в зеркале культуры: материалы Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 12–13 окт. 2010 г.) / сост. Е.Н. Горбачева, В.С. Плавинская; под ред. Е.М. Стомпель. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. – С. 290–296. (0,4 п. л.)

32. Акимова, Т.П. Особенности вербализации концепта «Погода» в русском эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 12–14 апр. 2010 г. / сост. Д.Ю. Ильин, Н.Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 370–373. (0,25 п. л.)

33. Акимова, Т.П. Функционирование слов «Бог», «Господь» и устойчивых выражений с данными словами в письмах В.П. Астафьева / Т.П. Акимова // Царицынские рождественские чтения / под ред. В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во лицея № 8 «Олимпия», 2011. – Вып. 1. – С. 168–178. (0,4 п. л.)

34. Акимова, Т.П. Реализация постулатов общения в эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка: Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. и 50-летию препод. деятельности д-ра филол. наук, заслуж. деятеля науки РФ Н.А. Шехтмана. Оренбург, 17–18 февр. 2011 г.: сб. ст. / ред. кол.: И.А. Горбачева (отв. ред.), М.А. Пахомова, Е.В. Синкина, Ю.П. Рудаева. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 62–66. (0,4 п. л.)

35. Акимова, Т.П. Особенности реализации речевого акта приглашения в русском эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Лингвистика: традиции и современность: материалы 2-й Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2011. – С. 11–14. (0,4 п. л.)

36. Акимова, Т.П. Специфика вербализации концепта «Грех» в русском эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы: материалы Междунар. заоч. науч.-метод. конф.: в 3 ч. / редкол.: О.В. Атьман (отв. ред.), О.А. Малетина (отв. ред.); оргком.: О.В. Иншаков (пред.). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 240–247. (0,4 п. л.)

37. Акимова, Т.П. Аксиологический потенциал лингвокультурного концепта «Петербург» и средства его реализации в русском эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: науч. сессия «XIII Невские чтения» (20–22 апр. 2011 г.) / под общ. ред. Н.И. Озеровой. – СПб.: Изд-во НИЯК, 2011. – С. 8–13. (0,4 п. л.)

38. Акимова, Т.П. Особенности функционирования геортонимов в русских письмах XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Русское слово: сб. науч. ст. / под ред. Е.И. Алещенко, Е.В. Брысиной, В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во лицея № 8 «Олимпия», 2011. – Вып. 3. Сборник научных трудов к юбилею декана филол. фак. ВГСПУ проф. Р.И. Кудряшовой – С. 149–159. (0,4 п. л.)

39. Акимова, Т.П. Лексема «праздник» в русском эпистолярном тексте XIX–XX веков: эволюция семантики и сочетаемости / Т.П. Акимова // III Селищевские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. А.М. Селищева (Елец, 22–23 сент. 2011 г.). – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 304–312. (0,5 п. л.)

40. Акимова, Т.П. Эпистолярный концепт «Дом»: особенности вербализации в русских частных письмах XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – Вып. IV. – С. 17–23. (0,4 п. л.)

41. Акимова, Т.П. Приглашение (на материале русских частных писем XX века в сопоставлении с англоязычными письмами этого периода) / Т.П. Акимова // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении: лексикон / под ред. Е.Е. Стефанского. – Самара: Изд-во СамГУ, 2011. – С. 319–325. (0,45 п. л.)

42. Акимова, Т.П. Речевой жанр пожелания в русских частных письмах XIX–XX вв.: особенности содержания и оформления / Т.П. Акимова // Актуальные вопросы современной лингвистики и методики преподавания иностранного языка в системе довузовской и вузовской подготовки: материалы Междунар. науч.-метод. интернет-конф. г. Волгоград, 15 нояб. 2011 г. – 15 янв. 2012 г. / редкол.: Т.Н. Астафурова (отв. ред.), О.В. Атьман (отв. ред.); оргком.: О.В. Иншаков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 141–149. (0,4 п. л.)

43. Акимова, Т.П. Типология и функции приемов отражения фонетических особенностей устной речи в эпистолярном тексте (на материале писем русских писателей XIX–XX вв.) / Т.П. Акимова // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. – 2011. – № 4 (14). – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227425.pdf> (0,5 п. л.)

44. Акимова, Т.П. Система образно-тропеических средств представления литературного труда в письмах В.П. Астафьева / Т.П. Акимова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2011. – Вып. 16. – С. 5–10. (0,4 п. л.)

45. Акимова, Т.П. Особенности представления лингвокультурного концепта «здоровье» в эпистолярном тексте (на материале писем русских писателей XIX–XX вв.) / Т.П. Акимова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. – М. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011. – Вып. 13. – С. 212–219. (0,4 п. л.)

46. Акимова, Т.П. Стилистические функции церковнославянизмов в письмах А.П. Чехова / Т.П. Акимова // Язык. Дискурс. Текст: материалы VI Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д.: АкадемЛит, 2012. – С. 88–90. (0,4 п. л.)

47. Акимова, Т.П. Специфика содержания и оформления речевого акта просьбы в русском эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VI Междунар. науч. конф. Челябинск, 23–24 апр. 2012 г.: в 2 т. / отв. ред. Л.А. Нефедова. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2012. – Т. 2. – С. 78–82. (0,45 п. л.)

48. Акимова, Т.П. Особенности употребления аутографонимов в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф. (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / отв. ред. Р.В. Разумов, В.И. Супрун. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 121–125. (0,25 п. л.)

49. Акимова, Т.П. Закономерности употребления названий художественных произведений в письмах русских писателей XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Трубачевская соборная встреча: сб. материалов науч. чтений / под ред. Г.В. Егоровой и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во лица № 8 «Олимпия», 2012. – С. 103–110. (0,4 п. л.)

50. Акимова, Т.П. Содержание и оформление высказываний, реализующих коммуникативное намерение благодарности, в русском эпистолярном тексте XIX–XX веков / Т.П. Акимова // Речь. Речевая деятельность. Текст: материалы Всерос. межвуз. науч. конф., посвящ. памяти проф. Г.Г. Инфантовой / отв. ред. И.В. Голубева, Н.А. Сенина. – Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2012. – С. 7–13. (0,4 п. л.)

51. Акимова, Т.П. Морфологические особенности разговорной речи в русском эпистолярном тексте / Т.П. Акимова // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д-ра филол. наук, проф. Л.М. Орлова. Волгоград, 15–17 февр. 2012 г. / под общ. ред. проф. Е.В. Брысиной. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. – С. 220–225. (0,35 п. л.)

52. Акимова, Т.П. Отражение этнических стереотипов в эпистолярном наследии русских писателей XIX–XX вв. (на материале высказываний с этнонимом «русские») / Т.П. Акимова // Культура – основа славянского братства: сб. материалов науч. конф. / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2012. – С. 164–171. (0,45 п. л.)

53. Акимова, Т.П. Особенности реализации речевого акта извинения в русском частном письме (на материале эпистолярного наследия русских писателей XIX–XX вв.) / Т.П. Акимова // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: материалы Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 29–31 окт. 2012 г. / редкол. Т.Н. Астафурова (отв. ред.), О.В. Атьман (отв. ред.). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 224–231. (0,4 п. л.)

54. Акимова, Т.П. Формальные и содержательные характеристики речевого акта упрека в русских частных письмах XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сб. науч. тр., посвящ. юб. К.А. Войловой / под ред. Т.М. Фадеевой, Е.Д. Звуковой, О.В. Шаталовой. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – Вып. 1. – С. 30–35. (0,45 п. л.)

55. Акимова, Т.П. Прецедентные тексты в писательском эпистолярии XX века: источники, приемы использования, функции (на материале писем М.А. Шолохова и В.П. Астафьева) / Т.П. Акимова // Русское слово в контексте этнокультуры XX–XXI вв.: сб. науч. тр. по итогам II Междунар. заоч. науч. конф. (нояб. 2012 г.). – Старый Оскол: Изд-во «Роса», 2013. – С. 71–77. (0,4 п. л.)

56. Акимова, Т.П. Функционирование лексем со значением ‘средство письма’ в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Мир человека на граних языка: междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / под ред. Е.Е. Стефанского. – Самара: Изд-во СГА, 2013. – С. 78–84. (0,45 п. л.)

57. Акимова, Т.П. Особенности употребления прецедентных текстов в письмах В.П. Астафьева / Т.П. Акимова // Золотая звезда: города-побратимы – символ совместного наследия: сб. материалов Междунар. конф. / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2013. – С. 261–267. (0,4 п. л.)

58. Акимова, Т.П. Особенности употребления прецедентных текстов в письмах А.П. Чехова / Т.П. Акимова // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. – 2014. – № 1 (28). – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/138977544.pdf> (0,4 п. л.)

59. Акимова, Т.П. Словообразовательные особенности разговорной речи в русских частных письмах XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации: сб. материалов межрегион. конф. / под ред. Е.В. Брысиной, В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2014. – С. 527–534. (0,45 п. л.)

60. Акимова, Т.П. Функционирование лексем со значением ‘средство передвижения’ в русском эпистолярном тексте XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // Каспийский

круг: города-побратимы – символ совместного наследия: сб. материалов Междунар. форума / под ред. И.А. Прихожан, В.И. Супруна. – Волгоград: ИП Поликарпов И.Л., 2014. – С. 125–133. (0,4 п. л.)

61. Акимова, Т.П. Цитаты в эпистолярном тексте: особенности употребления и функции / Т.П. Акимова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2014. – Вып. 19. – С. 7–11. (0,45 п. л.)

62. Акимова, Т.П. Языковая личность писателя сквозь призму образно-тропеических средств представления литературного труда (на материале писем М.А. Шолохова и В.П. Астафьева) / Т.П. Акимова // Русское слово / под ред. Е.И. Алещенко. – Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2015. – Вып. 4: К юб. декана филол. фак. ВГСПУ проф. Е.В. Брысиной. – С. 93–102. (0,5 п. л.)

63. Акимова, Т.П. Основные тенденции использования пословиц в частных письмах русских писателей XIX–XX вв. / Т.П. Акимова // V Международная научно-практическая интернет-конференция «Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы» // Грани познания: электрон. науч.-образоват. журн. ВГСПУ. – 2015. – № 5 (39). – 2015. – С. 38–41. – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1438436763.pdf> (0,4 п. л.)

64. Акимова, Т.П. Стилистические функции архаизмов в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева / Т.П. Акимова // Язык и культура Юга России: аспекты толерантного взаимодействия: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 23–24 апр. 2015 г. / отв. ред. Е.В. Брысина. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – С. 115–120. (0,4 п. л.)

АКИМОВА Татьяна Петровна

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА
(на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 06.02.17. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27